

Сообщество профессиональных социологов

ГОРОЖАНЕ В ДЕРЕВНЕ

**Социологические исследования в российской глубинке:
дезурбанизация и сельско-городские сообщества**

Научная монография

2016

Москва

Университетская книга

УДК 314.145

ББК 60.70

Г70

Издание осуществлено на основе материалов исследований, выполненных при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) по гранту 15-06-08421 «Природные и социальные факторы современных трансформационных процессов в сельских районах Ближнего Севера России: комплексный междисциплинарный анализ» (гл. 1) и гранту 16-06-00572 «Модели кризисной трансформации практик потребления и его оптимизации в современной России» (гл. 4), а также Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники» по гранту 2014 002 «Взаимодействие городских “дачников” творческих и интеллектуальных профессий с местным сельским сообществом на примере Угорского проекта в Костромской области (гл. 3)

Авторы

Денисенко Г.М., Денисенко М.Б., Ефременко Д.В., Ильин В.И., Миронова А.А., Никишин Е.А., Николаева У.Г., Николаюк Е.А., Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Попов Д.С., Сазонова А.М., Сушко П.Е., Трейвиш А.И., Чернышов К.С., Яцкова Д.С.

Рецензенты:

Ж.Т. Тоценко, член-корреспондент Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала РАН «Социологические исследования»,

С.Н. Смирнов, доктор экономических наук, директор Института социальной политики и социально-экономических программ Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики»

Г70 Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: Дезурбанизация и сельско-городские сообщества / науч. ред. В.И. Ильин, Н.Е. Покровский, – М.: Университетская книга, 2016. – 404 с.

ISBN 978-5-98699-226-6

Представлены результаты многолетних полевых социологических исследований сельской глубинки и теоретического осмысления процессов дезурбанизации и трансформации современной деревни. Раскрыто влияние на нее глобальных и локальных экономических, социальных, демографических и культурных процессов. Охарактеризовано резкое сжатие сельскохозяйственного производства, которое порождает кризис идентичности и социальный пессимизм у сельских жителей. Показана категория городских дачников, активно воздействующих на сельские сообщества, придающих новую жизнь пустующим деревням и селам.

Для социологов, краеведов, историков современности. Может использоваться в учебном процессе при подготовке магистрантов и аспирантов в области социальных наук. Представляет интерес для интеллектуальных кругов читателей.

УДК 314.145

ББК 60.70

ISBN 978-5-98699-226-6

© Авторы, указанные на обороте титульного листа, 2016

© Университетская книга, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Социальная мобильность в континууме «город – деревня». Вопросы истории и теории	11
1.1. Двумерность как принцип социально-территориальной организации	11
1.2. Горизонтальная мобильность: урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества	33
1.3. Сельское население Ближнего Севера: социально-демографические тенденции	56
1.4. Дезурбанизация в современной России: жизнь после города? История и перспектива исследовательских подходов	80
1.5. Направления трансформации малых населенных пунктов России	95
1.6. Миграции городских жителей в сельскую местность в контексте дезурбанизации. Кейс с. Давыдовка Дубовского района Волгоградской области	114
1.7. Влияние глобализации на трансформацию повседневных практик российской деревни. Кейс сельского поселка Красный Маяк в Ковровском районе Владимирской области	132
Глава 2. Интеллигенция во внегородском пространстве	161
2.1. Социально-исторический портрет российской интеллигенции. Вопросы истории и теории	161
2.2. Городская интеллигенция за пределами города	190
2.3. «Жизнь и судьба» молодых столичных учителей в сельском пространстве России (программа «Учитель для России»)	205
Глава 3. Трансформация сельской повседневности	219
3.1. Хозяйственная жизнь деревни	219

3.2. Динамика сельской социальной структуры	246
3.3. Сельская молодежь: уйти или остаться?	264
3.4. Церковь в сельском сообществе	280
3.5. Здоровый образ жизни по-сельски	298
3.6. Роль частных трансфертов в жизни сельчан в костромской деревне	312
Глава 4. Дачный образ жизни в Костромской глубинке и его стилистическое многообразие.....	323
4.1. Путь в дачники	323
4.2. Материальный базис дачного образа жизни	334
4.3. Деревня как социокультурная экосистема: дачники и местные	360
4.4. Дачный образ жизни: уединение или сообщество?	376
Заключение	386
Приложение. Визуальные этюды дачного образа жизни	389
Об авторах	402

1.2. Горизонтальная мобильность: урбанизация, дезурбанизации и сельско-городские сообщества^{1*}

Постановка проблемы

Социальное пространство в конце XX – начале XXI в. продемонстрировало свое новое состояние, которое прежде не обнаруживало себя и не было предметом специального рассмотрения даже среди социологов. Речь идет о «текучести», «трансформности», «пластичности» социального пространства и социальной реальности в целом: под воздействием внешних факторов социальное пространство может существенно видоизмениться в течение короткого промежутка времени, сохранив при этом внутреннее содержание и консистентность.

На одних полюсах социального континуума может происходить истончение социальной ткани и даже нарастание своеобразного социального «вакуума», на других одновременно возникает эффект «утяжеления», «уплотнения», концентрации социальной ткани, нарастание насыщенности социальных процессов; одновременно с этим возникают своеобразные «пузыри», «изломы», участки временной локализации инородных социальных тканей. Изменения затрагивают и макротенденции, макротренды социальных изменений. Привычные и хорошо изученные однонаправленные линии модернизационного развития (классическое восхождение от простых структур к более сложным и дифференцированным, от технологически примитивного к технологически продвинутому) сегодня сочетаются с усилением нелинейности развития, реверсивности, возвратности, движением вспять, «архаизацией» (Николаева 2005; Покровский, Николаева 2014), а также противоречивым симбиозом в отдельных точках пространства разнонаправленных моделей социальных изменений.

Ярким примером такой разнонаправленности векторов социального развития можно считать контрастные и одновременно противоречиво дополняющие друг друга процессы урбанизации и дезурбанизации. Уже во второй половине XX в. географами и социологами были обнаружены новые тренды передвижения населения, которые определялись уже не только привычной для ранней фазы индустриального общества ускоренной трудовой

---

¹ Данный раздел коллективной монографии написан с использованием материалов публикации: *Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И.* Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. 2015. № 12.

* © Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И., 2016

миграцией сельских жителей из деревень в города. Возникла и стала приобретать черты устойчивости линия «возвратной» мобильности населения, т.е. переселения городских жителей во внегородскую среду.

Взаимное выравнивание встречных потоков и возникновение наряду с этим принципиально новых форм социально-географических перемещений («кратковременных», «возвратных», «маятниковых»), в результате давших новое качество пространственных социальных изменений, было в свое время обозначено Н.Е. Покровским специфическим социологическим термином-метафорой «жидкостная миграция», конгруэнтным понятию «текучая современность» Зигмунда Баумана (Bauman 2000). Действительно, социально-географическая мобильность в современном обществе – «жидкостная», «текучая», принимающая новые формы и занимающая самые разные социальные ниши – выходит за границы мегаполисов и заставляет по-новому анализировать социальные статусы и динамику развития новых внегородских сообществ, которые шаг за шагом превращаются из субкультурных экзотов в постепенно формирующейся мейнстрим. Принцип «постоянного места жительства» (ПМЖ), еще недавно столь важный для определения социального и правового статуса индивида и группы, ныне сочетается с принципом «акцентуированной динамики» (Н.Е. Покровский), усиленным вниманием к пространственному развитию социальных сетей и потоков (Урри 2012). Социальное пространство поглощает географическое и преобразует его, в то время как физическое пространство структурирует и переструктурирует социальную ткань и социальную динамику.

Урбанизация, дезурбанизация и тенденции развития внегородских территорий

Урбанизационный бум и сверхконцентрация населения в тесном пространстве мегаполисов в Европе и Америке в XIX и первой половине XX в. на волне мощного подъема индустриального производства сформировали совершенно новый тип социального пространства и породили ряд новых социальных проблем. Теоретическое осмысление этих мега-процессов и их социальных последствий (А. Сен-Симон, Ш. Фурье, А. Кетле, К. Маркс, Ф. Тённис, Г. Зиммель, М. Вебер и др.), научная рефлексия в отношении мощных социальных изменений содержательно определили развитие европейской социологии на многие десятилетия вперед. Институционализация американской социологии в XX в. была непосредственно связана с исследованием города, миграций в города, изучением городской жизни представителями Чикагской школы (Р. Парк, Э. Берджесс, У. Томас, Ф. Знанецкий, Л. Вирт и др.). Социум в своих основных чертах американскими социоло-

гами стал моделироваться по аналогии с городом, универсальным городским пространством. Внегородские (деревенские) сообщества и внегородские пространства в большинстве случаев ускользали от внимания исследователей, рассматривались ими в основном как исчезающие типы и модели социальной жизни.

Социология конца XIX – начала XX в., таким образом, стала утверждать себя по преимуществу в качестве науки о городском социуме и городском образе жизни. При этом классики немалое внимание уделяли соотношению городского и сельского типа организации сообществ, признавая, однако, лишь один исторический вектор развития – из села в город. Город явно или имплицитно фигурировал в трудах социологов того времени своеобразным символом технологического и индустриального прогресса, средоточием рациональности в образе жизни и организации социальных связей. Доиндустриальный тип производства и сельский образ жизни оказывались своеобразным «Зеркалом» и «Другим» в социологической модели современной социальной жизни, своеобразным «Alter ego», в отражении которого и в результате дихотомического противопоставления происходило научное осознание специфики современного общества и современной социальной жизни в социологии.

Крупнейший немецкий социолог Г. Зиммель (2002) проводил демаркацию «город – село» через понятие стиля жизни. Ф. Тённис (Toennies 1955; Тённис 2002), противопоставляя город и село, видел за этим противопоставление двух типов организации общества и социальных связей: общинный тип *Gemeinschaft* («общность с преобладанием личных отношений») и современный тип, характерный для капиталистического города – *Gesellschaft* («общество», в котором решения обоснованы «общей пользой» и преобладают формальные безличные отношения).

М. Вебер в книге «Город» (1921), материалы которой в 1924 г. вошли во второй том издания знаменитой «Экономики и общества», рассматривал город как средоточие индустриальной, политической и рациональной интеллектуальной жизни, видя в нем причину и катализатор разделения труда, формирования современного либерального мировоззрения и общей рационализации жизни. Городское сообщество как особая социальная и культурная система наполнено конкуренцией, интеллектуальной и социальной свободой, формальным контролем по контрасту с традиционалистской сплоченностью крестьян.

Аналогичным образом и Э. Дюркгейм в работе «О разделении общественного труда» (1892) противопоставлял «механическую солидарность» ранних сельских докапиталистических обществ «органической солидарно-

сти» современных индустриальных обществ, выделяя в качестве важнейшей силы в этом переходе увеличение плотности населения (достигающей максимума в городах) и усиление вследствие этого разделения труда.

Чикагская школа социологии, развивавшаяся в 20-е годы XX в., в методологическом смысле также не избежала сельско-городской дихотомии в постановке проблем специфики современной социальной жизни. Сельские сообщества не стали самостоятельным предметом специальных исследований в трудах чикагцев. И это понятно, ибо они создали собственно «социальную экологию» и внесли исторический вклад в развитие социологии города, однако город ими мыслился как самостоятельный организм, живущий сам по себе, как город «навсегда», тип устройства, преодолевший сельский образ жизни. Более того, в работах Р. Парка (Парк 2011) и Э. Бёрджесса (Бёрджесс 2000) город отождествляется фактически со всей цивилизацией, с местом, где природа человека разворачивается наиболее объемно и многогранно. Долгое время как своеобразная аксиома воспринимались слова Р. Парка о том, что «город и городская среда представляют собой наиболее последовательную и в целом наиболее успешную попытку человека преобразовать мир, в котором он живет, в наибольшем соответствии со своими сокровенными желаниями» (Парк 2002: 4).

Однако вторая половина XX в. и тем более век нынешний заставили пересмотреть подобные «парадигмальные» убеждения социологов-классиков. И связано это, в первую очередь, с тем, что изменился в конце прошлого столетия сам характер социальной мобильности, обозначился новый тренд – «дезурбанизация» (или «контрурбанизация»). Современная социологическая формулировка проблемы не случайно выглядит иначе: возможно, город как форма социальности не навсегда, не на века вечные? Каковы возможные сценарии развития города? Каково место возвратных миграций в сельскую местность в общих дезурбанизационных тенденциях в современном мировом и российском контексте?

Теория дезурбанизации в современной социологии

Список ведущих современных исследователей дезурбанизации по праву открывает англо-американский социогеограф, профессор Техасского университета в Далласе Б. Берри (1936–2009). По его мнению, первые значимые признаки замедления темпов урбанизации в Европе и США были отмечены на рубеже 60–70-х годов XX в. В эти годы впервые возник и стал обсуждаться вопрос о том, будет ли рост городов бесконечным и ничем не ограниченным процессом. Было отмечено, что численность сельского населения в целом стабилизировалась, а развитие вширь мегаполисов и рост их

населения обвальными темпами, характерными для предшествовавших десятилетий, прекратились. При этом так называемые «нестолличные зоны», т.е. не относящиеся к мегаполисам, стали демонстрировать более высокий прирост населения по сравнению с прошлыми десятилетиями.

Объяснение этому процессу как раз и предложил Б. Берри (Berry 1980). Он высказал предположение о том, что на макроуровне социального моделирования мы становимся свидетелями важного исторического момента, когда процесс урбанизации показывает признаки перехода в свое новое состояние – дезурбанизацию. Однако, по мнению Берри, речь не шла о некоем повороте, сломе исторического цикла, борьбе противоположностей. Напротив, процесс расширяющейся дезурбанизации, рост внегородских периферийных зон воспринимался им не как возврат к сельской цивилизации, а как выход городов за свои пределы, «растекание» по поверхности, как своего рода реколонизация внегородских пространств, ибо новые внегородские поселения, а также трансформировавшиеся старые внестолличные анклавы в социальном плане демонстрировали не отрицание городской культуры и городских паттернов устройства повседневной жизни, а своеобразный симбиоз, с одной стороны, замедления городских темпов, упрощения потребительских практик с сохранением базовых достижений городского комфорта, «цивилизованности» – с другой.

Иными словами, речь шла о том, что наметившийся выход за пределы города был не отрицанием города как такового, а скорее стремлением повысить качество жизни за счет соединения лучшего городского и лучшего внегородского во всех сферах жизнедеятельности. В связи с этим Б. Берри и предложил рассматривать наметившийся тренд не в качестве антигородского, а прежде всего как городского (урбанистического), с существенными поправками перенесенного во внегородские пространства (Berry 1980).

Именно так возникли и получили импульс к распространению термины «дезурбанизация» и «контрурбанизация». И если термин контрурбанизация по-прежнему несет оттенок конфронтационности по отношению к городу в духе известной утопии Г. Торо (1986), то термин дезурбанизация подчеркивает эволюционный характер процесса. Действительно, термин «контрурбанизация» (counterurbanization) и этимологически, и по своему социальному смыслу отчасти восходит к парадигме контркультуры 60–70-х годов XX в. в США и Западной Европе. Программа контркультуры, как известно, имела своей целью построить альтернативные молодежные сообщества и реализовать стили поведения (язык, мода, жанры искусства), отрицавшие ценности капиталистического общества, но при этом не входившие с ним в конфронтационный контакт. Сообщества, в основном «коммуны», наме-

ревались жить «сквозь» и вне железной клетки капитализма (off the grid). Было бы неверно отрицать определенную преемственность контркультуры XX в. и контрурбанизации XXI в. Это, в частности, подчеркивается в ряде исследований (например, см. Buursink 1986).

Логика построения научной теории постурбанизма по схеме «урбанизация – дезурбанизация – контрурбанизация» характерна и для Э. («Тони», «A.J.») Филдинга (Fielding 1986, 1989; King, Fielding et al., 2010) из Эссекского университета в Великобритании, фактически продолжающего линию Б. Берри. Э. Филдинг еще более определенно, чем Б. Берри, поставил вопрос о том, что выход городского населения на внегородские пространства – притом не в «субурбию» (пригородные «спальные» зоны, окружающие города), а на средние и дальние расстояния удаления от мегаполисов – вовсе не означает рурализацию, т.е. возврат к сельскохозяйственной деятельности, и еще менее того выпадение в опрошенчество, современное отшельничество, эскапизм, примитивизацию быта, архаику.

Э. Филдинг вполне последовательно стоит на позициях линейной модернизационной теории, в целом характерной для мейнстрима социальных наук на Западе. Но, как и Б. Берри, он видит в дезурбанизации движение в направлении экологизации набора ценностей, стремление человека обрести самодостаточность и стабильность в условиях конфликта различного рода факторов общественного развития, построение системы индивидуальной независимости от агрессивного социума, в том числе в области поддержания здоровья и долголетия, здорового питания и здорового образа жизни в целом. Немаловажную роль в этой трансформации общественного мнения и общественного сознания играет переход на возобновляемые источники энергии (ВИЭ), которые позволяют укрепить независимость индивидов от прессинга со стороны общественных институтов, прежде всего экономических, но при этом сохранить высокий уровень технологизации и информатизации жизни на современном уровне.

Ни Берри, ни Филдинг не разработали детальной модели этого постиндустриального, постурбанистического выхода за пределы мегаполиса. Их задача сводилась к тому, чтобы обозначить проблему и поднять ее на высоту серьезного социологического вопроса. Как социальные географы, они прежде всего опирались на анализ объективных процессов географической миграции, обозначали тренд и передавали эстафету анализа социологам.

Социологи пришли к необходимости концептуально разделить два процесса. Первое – субурбанизация (периферическое обрастание городов концентрическими кругами одноэтажной застройки «на земле» с неизбежной ежедневной маятниковой миграцией по маршруту «дом – рабо-

та», т.е. дом – в пригороде, работа – в мегаполисе), имевшая место в странах Северной Америки и Западной Европы на протяжении почти всего XX в. Второе – среднеудаленная и дальняя дезурбанизационная миграция по самым различным форматам, например, сезонно-рекреационная (т.н. «второй дом» или «летний дом»), с постоянным проживанием, смешанно-комбинированная, с отрывом от цивилизации, дауншифтинг и др.).

Так, американский социогеограф Т. Контули из Университета Юты (США) вместе с соавторами начал дискуссию, которой была уготована долгая жизнь, не завершившаяся и поныне. Речь шла о том, насколько тренд дезурбанизации можно рассматривать как своего рода инобытие урбанизации. Иными словами, в какой мере проникновение жителей мегаполиса, в том или ином социальном формате, в прежде чисто сельскую местность приводит к деформации ландшафта и экобалансов, понижению тех качеств внегородского пространства, к которым как раз и стремились экомигранты (Kontuly et al 1986). Не получается ли так, что, убегая от мегаполиса, возвратные мигранты приносят с собой все то негативное, от чего они и хотели избавиться, а именно паттерны модернизации и модернизационных ценностей, включая гонку за благосостоянием и престижем, служение пусть и редуцированному комфорту в ущерб сохранению среды и воспитанию в себе правильной жизненной философии? Может ли в принципе быть осуществимо бегство от города, не становится ли оно скрытой формой колонизации удаленных периферийных пространств, навязывающей удаленным социумам свои стереотипы поведения, взгляды и привычки?

Эти во многом философские вопросы отнюдь не лишены смысла, они ведут нас к обсуждению проблемы, поднимавшейся в свое время экзистенциалистами и представителями критической традиции в философии. Можно ли убежать от своего социального Я, преодолеть его с помощью изменения культурной (в данном случае и природной) среды? И в зависимости от ответа на этот вопрос решается проблема смысла и содержания дезурбанизации. Есть ли она («жизнь после города») нечто новое, перспективное, обращенное в будущее или это своего рода превращенная форма ныне существующей урбанизации, лишь видоизменяющая свое обличие, но не обеспечивающая обретение нового уровня свободы и самореализации личности? На сегодняшний день этот вопрос, на наш взгляд, остается открытым.

На протяжении 1990-х годов и в первом десятилетии XXI в. тема дезурбанизации в ее различных вариантах и терминологических вариациях получила широкое распространение среди социологов и социальных географов. В каких-то случаях обсуждалась общая концепция дезурбанизации, в других случаях – ее конкретные проявления в тех или иных странах или малых

локальных сообществах (см. Findlay 1991; Allan and Mooney 1998; Boyle and Halfacree 1998; Fielding 1998; Champion 2000).

Дальнейший социологический анализ феномена выявил его неоднородность и внутреннюю противоречивость. В статье Т. Контули, С. Виард и Р. Фогельзанг подчеркивается необходимость разделять дезурбанизацию на обратную миграцию, с одной стороны, и городскую центробежную децентрализацию (как отток из центров в их периферии), с другой стороны. Последний процесс, будучи по форме дезурбанизационным, по содержанию скорее выступает проявлением урбанизации, потому что способствует расширению городской зоны за счет близлежащих территорий, тогда как радикальная обратная миграция направлена в удаленные сельские районы.

Немалый интерес представляют работы социологов и социальных географов, строящих свой анализ дезурбанизации на примере удаленных регионов и ареалов в масштабах всей планеты. Так, австралийский географ М. Сант анализирует поселения дауншифтеров и анклавов обратных мигрантов на океанских побережьях Австралии (Sant 1993). Следует принимать во внимание тот факт, что австралийский континент сам по себе имеет образ удаленной земли, мифологического приюта для беглецов (что, по большому счету, и фактически имело место в XIX в. в период интенсивного освоения континента и его колонизации). Однако в дальнейшем Австралия прошла стадию модернизации и приобрела своеобразный статус «удаленной Европы». В этом смысле дезурбанизационные анклавные дауншифтеры в Австралии представляют особый интерес как поселения гипербеглецов, уходящих почти что на космическое удаление «от всего на этой Земле», от центров урбанизации в Европе и Северной Америке.

В контексте этих исследований и научных дискуссий получило право на существование понятие “*amenity migration*” – миграция с целью повышения уровня и качества жизни в благоприятные природно-климатические зоны. Довольно трудно найти адекватный концепт на русском языке. Видимо, лингвистическая природа русского языка и стоящая за ней суровая ригористическая культура словно сопротивляются понятию приятного времяпрепровождения и удовольствия. Тем не менее понятие *amenity migration* тесно перешлетается в современных условиях с понятием контр/дезурбанизация, ибо в развитых странах Запада возвратная миграция из городов вызывается, прежде всего, стремлением к повышению качества жизни и стремлением к полноценной рекреации на лоне природы, а не поиском более высоких доходов или иными экономическими факторами. Об этом пишут многие авторы, среди которых Ван Дам, Крамп и Чипенюк (Chipeniuk 2004; van Dam 2002; Crump 2003). Можно предположить, что при благоприятном раз-

витии глобализации именно *amenity migration* может стать ведущей формой миграции, когда потоки горожан из различных регионов мира начнут покидать мегаполисы и расселяться по миру в благоприятных климатических и природных зонах. И хотя это предположение на сегодняшний день и на фоне конфликтогенных форм Северной Африки выглядит более чем утопично, не стоит его сбрасывать со счетов.

Канадская исследовательница отмечает, что «существует множество самых различных причин, по которым городские жители устремляются в небольшие муниципальные образования (поселения). Например, такие экономические причины, как более дешевое жилье и наличие рабочих мест, были выделены в особые кластеры факторов, имеющих место в международном масштабе. <...> Однако жители городов также выдавливаются из городов в сельскую местность и по причине более высокого качества жизни (в современном понимании. – Н.П., Т.Н., А.Т.), которое воспринимается как таковое (Mitchell 2008: 118).

В этой связи отмечается, что особую роль приобретают естественные ландшафты, их эстетичность и сохранность. Именно ландшафт становится во многом решающим фактором в выборе нового места проживания. К этому можно добавить, что наряду с ландшафтом в российских условиях играет важную роль и историчность места, а именно наличие привязки к историческому прошлому, зафиксированному в архитектурных памятниках, захоронениях знаменитых предков, других свидетельствах истории. Переезд в зону активного формирования исторической памяти входит в базовый набор *amenity migration* в ее российском варианте. Очевидно, что, скажем, в Канаде или Австралии этот фактор (по причине «молодости» этих стран) не будет работать столь же очевидно, как в России.

Напрашивается вывод о том, что внутренняя *amenity migration* предполагает не только смену места жительства в поисках лучших условий, но и сопутствующее этому сдвигу в пространстве изменение сознания, некое психологическое переосмысление себя, радикальное изменение не только природных «декораций», но своей роли в жизненной пьесе. Даже достаточно тривиальное перемещение в сурбурбию – в коттедж на земле в пригородной зоне – в той или иной степени влечет за собой изменение восприятия окружающего мира и себя самого в нем, не говоря уже о смене дневных временных ритмов, стиля проведения свободного времени и т.д.

Если же речь идет о дальних зонах расселения, подразумевающих выход за пределы доступности постоянной маятниковой миграции, то здесь включаются иные факторы, меняющие до неузнаваемости картину мира городского мигранта. Городские реалии уходят далеко к горизонту прошло-

го, а подчас и вообще исчезают из поля значимых смыслов. В зависимости от склонности мигранта к рефлексии у него возникает некое принципиально новое чувство своей сопричастности смыслам большого масштаба и мыслям высокого полета. И даже если этот своего рода космизм картины мира остается в сознании не до конца отрефлектированным (в силу тех или иных индивидуальных особенностей), эта «трансцендентность» входит в ткань сознания. Это прекрасно показал уже упоминавшийся Г. Торо в книге «Уолден, или Жизнь в лесу» (Торо 1986; 2001), а в XX в. – Г. Бестон (Бестон 1982).

К. Митчелл предлагает достаточно убедительную трехчленную классификацию дезурбанизации, которую можно представить в следующем терминологическом виде.

- *Псевдодезурбанизация* (дезурбанизация по видимости), связанная с пригородными зонами и субурбиями. Здесь присутствие природы и факторов *amenity migration* лишь видимое, ненастоящее, «фейковое». В силу самых различных причин, многие из которых самоочевидны, город вторгается в эту зону и форматирует ее по своему образу и подобию. Жизненные стили обитателей «спальных одноэтажных районов» и коттеджей фактически городские. Это касается и временных ритмов. Поэтому этот вид дезурбанизации относится скорее к области мутирующей и деградирующей урбанизации, а не дезурбанизации в полном смысле слова. Российские исследователи в рамках Угорского проекта показывают, что многие удаленные мигранты имели изначально или имеют поныне пригородные коттеджи, дачи. Они перестали их удовлетворять по широкому спектру характеристик, не соответствующих представлениям о качестве «правильной» жизни в XXI в. (Нефедова и др. 2016, Ойкумена Ближнего Севера России 2015).
- *Вынужденная дезурбанизация* (или дезурбанизация поневоле). Она связана в основном с экономическими факторами, среди которых высокий уровень расходов, угрожающий уровень преступности и проблемы обеспечения безопасности, риски для здоровья, невозможность обеспечить детям правильное образование. Вынужденная дезурбанизация во многом внутренне конфликтна по своему характеру. У мигрантов она, как правило, связана с психологическими стрессами, депрессией, чувством тотальной неудовлетворенности городской жизнью, подчас сопровождаемым проявлениями агрессивности и асоциальности. По большому счету, это своеобразное бегство из города, нередко спорадическое и хаотичное. В эту картину вынужденной дезурбанизации вмешивается и другой мотив, постоянно присутствующий

щий в общественном дискурсе. Речь идет о страхе городских жителей стать жертвами экологических и военных катастроф, бактериологических атак на мирные города и пр. Эти темы постоянно муссируются в СМИ и глубоко входят в сознание широких масс. И в этом смысле в сознании многих опережающее катастрофическое бегство из города дает определенную надежду на спасение от надвигающегося Армагеддона.

- *Дауншифтинг* (или дезурбанизация глубокого погружения) (от англ. dawn shift – переключение на пониженную передачу со снижением скорости автомобиля и соответствующим повышением его проходимости). В последние годы этот термин не только укрепился в англоязычной литературе, но и получил прописку в русском языке. Под эту категорию подпадают самые различные виды дезурбанизационных стратегий, главным для которых становится максимально глубокий разрыв с городом, стремление «сжечь мосты» с прошлым городским опытом, начать новую жизнь. В широком смысле этого слова мы имеем дело с тем, что в классической теории аномии Р. Мертона получило наименование «бегство» (retreat), отход, затворничество (Мертон 2006).

Отдельной темой звучит в этом контексте концепция «даунштфтинга». Как и в случае со смысловыми вариациями понятия «дезурбанизация», рассмотренными выше, мы имеем дело с не до конца определенной категорией, трактуемой более или менее по-разному. В одних случаях дауншифтинг – это почти монашеское отречение от тягот и соблазнов городской жизни и безудержного потребления, навязываемого городом. В других случаях дауншифтинг понимается как участие в жизни коммун и экопоселений, исповедующих антиурбанизм. В иных вариантах он рассматривается как достаточно мягкая стратегия обеспечения своего пропитания в сельской местности исключительно трудами праведными на родной ниве.

Но всем этим трактовками присуще понимание феномена дауншифтинга в качестве экзистенциального замедления внутреннего ритма жизни и сознательного выхода из контекста городского стиля жизни. В этой разногласии понятий, видимо, нет ничего ни странного, ни плохого. По мере расширения и развития самого феномена дезурбанизации к его интерпретации применяются самые различные исследовательские инструменты (понятия) из арсенала социологии, психологии и социальной географии.

Возвращаясь к анализу дезурбанизации, предложенному К. Митчелл, отметим общий вывод, к которому пришла исследовательница. Давая научную оценку реальному масштабу дезурбанизационных трендов на при-

мере Канады, она отмечает, что движение обратной миграции пока не получило массового распространения. Она пишет: «Я предлагаю считать, как это делают и другие специалисты, что стремление к экологическим благам служит важным мотиватором, заставляющим жителей Канады переселяться в внутренние пространства. Эти мотивы, вне сомнения, руководят жителями городов, решившими обосноваться в привлекательных локализациях в границах своей же провинции» (Mitchell 2008: 131).

Остается открытым вопрос, когда эти мотивации достигнут такого развития, когда малая дезурбанизационная миграция перерастет в достаточную массовую, уже не ориентирующуюся в основном только на свой регион.

В российском исследовательском поле по тематике дезурбанизации в ее прикладных аспектах в основном работают коллективы экономистов и социологов. Это группа под руководством профессора Г.Н. Данчевского в Южном федеральном университете (Ростов-на-Дону); группа профессора С.Ю. Барсуковой, В.И. Звягинцева и М.А. Неуважаевой в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики»; А.А. Позаненко (там же); исследовательская группа ЦИРКОН под руководством И.В. Задорина; профессор М.В. Рыбакова и С.О. Гоманова на факультете государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова; междисциплинарная группа профессоров Н.Е. Покровского и Т.Г. Нефедовой («Угорский проект») в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики», Институте географии РАН и Сообществе профессиональных социологов.

В отечественной социологии тема трансформации сельской жизни под действием глобализации нашла выражение в концепции «клеточной глобализации» (Покровский 2014). Идея о проникновении глобальных процессов во все «клетки общества» прежде чисто сельских сообществ была подробно исследована на примере Ближнего Севера Европейской России. Глобализационная матрица в равной степени трансформирует и город, и сельские поселения, выявляя их общую транзитивно-динамичную основу. Было обнаружено, что для повседневных практик сельских жителей все более характерными становятся:

- всеохватность и комплексность изменений (от сферы приложения труда, его организации до социальных отношений);
- новая система рациональности (в практиках сельских жителей начинает доминировать установка на экономическую рациональность);
- общая пластичность и гибкость (способность адаптироваться к изменениям);
- изменение восприятия географического пространства (возросшая географическая мобильность, проникновение информационных техно-

логий: сотовой связи, спутникового телевидения, Интернета, снимающих ограничения физического пространства);

- множественность культурных феноменов (особенно у молодежи);
- рост интереса к примордиальным факторам, архаике (даже у дачников, проявляющих интерес к артефактам давно ушедшей сельской жизни);
- появление престижного потребления;
- полагание на свои силы («никто не поможет мне, если не я сам»).

Дезурбанизация в целом вписывается в схемы глобализации, но имеет ярко выраженные российские особенности. Если культура и образ жизни внегородских поселений прежде трактовались в основном через сельскохозяйственные практики, то теперь традиционное агропроизводство в России, сохраняя свою значимость там, где оно экономически выгодно, входит в систему своей рядоположенности с другими факторами, например экологическим и рекреационным.

При анализе современных движений населения, включая дезурбанизационные, возникает важный методологический вопрос, который рассматривается отечественными обществоведами. Намечающаяся миграция горожан во внегородскую среду – это уход за пределы города, его отрицание, признак перехода на новую стадию цивилизационного развития? Или же дезурбанизация – это эволюция города, некое его совершенствование, новая ипостась, реализующая себя в иной географической среде?

Вопросы отнюдь не пустопорожние. Они ведут нас к обсуждению более общей темы. Что есть город в современном понимании? Либо это прежде всего инфраструктура (здания, транспорт, энергоснабжение и пр.), что соответствует распространенным обыденным представлениям, либо город коренится в самом сознании людей, в их жизненном мире, представлениях о стиле коммуникаций, особенно в новых видах социальной сплоченности? Имеем мы дело с совершенствующимся городом, в том числе вбирающим в себя ближние и дальние периферии, или с принципиально иной жизнью – жизнью после города («Life After the City») (Pokrovsky, Guseva 2012), построенной по новым цивилизационным координатам?

Вряд ли на эти вопросы мы можем ответить однозначно, но сама их постановка имеет смысл, заставляет задуматься о том, что в социальном мире относится к уходящему в прошлое, а что – к приходящему будущему.

Незавершенность российской урбанизации и пространственная мобильность населения

Урбанизация в России запоздала относительно западной, но в XX в. приобрела взрывной характер. В этом Россия похожа на развивающиеся,

в т.ч. латиноамериканские, страны. Ее особенность – гипертрофия столицы, эксплуатирующей так называемую ренту столичного статуса (Зубаревич 2013). Москва превосходит Санкт-Петербург по населению в 2,3 раза, прочие крупнейшие города страны – в 8–10 раз. Сверхконцентрация сочетается с редкой сетью городов и депопуляцией обширной периферии.

Согласно теории дифференциальной урбанизации, разработанной в конце XX в. (Richardson 1980; Fielding 1989; Geyer, Kontuly 1993), признаками ее стадий служат темпы роста (убыли) не просто числа жителей, а миграционный приток (отток) в городах разного размера и на селе. Вначале урбанизация выводит вперед большие города, растущие за счет меньших. На зрелой стадии рост крупных центров максимален, но средние начинают догонять лидеров. Затем следует «поляризационный разворот», когда аттрактивнее средние города и понемногу растет привлекательность малых. Контрурбанизацию отличает привлекательность малых поселений, городских и сельских.

На ранних стадиях урбанизация в России мало отличалась от любой другой. Но с приближением к стадии поляризационного разворота проступают отличия, связанные с климатом страны, социальными традициями и экономическими контрастами (Нефедова, Трейвиш 2002). В начале 1990-х годов «на землю» вернулась часть «неукорененных» горожан. Вместе с репатриантами с окраин бывшего СССР и России они приостановили безвозвратный отток из глубинки. В 2000-х годах на подъеме экономики он возобновился, подтверждая факт незавершенности российской урбанизации. Однако квартиры в крупных центрах стали недоступными по ценам, провоцируя особый тип полу-урбанизации – массовое отходничество. Когда люди не могут купить или снять семейное жилье, они живут на два дома, причем «дом» у места работы редко бывает полноценным.

Субурбанизация и контрурбанизация западного типа с переселением из крупных городов в пригороды, сельскую местность и ростом там мест приложения труда в России пока выражены слабо. Зато теснота городских квартир и в то же время боязнь их потери стимулируют горожан к сезонной жизни на два дома – в городе и на даче. Временная мобильность с трудовыми и социально-рекреационными целями заметно влияет на расселение. Оно все сильнее пульсирует по сезонам года, дням недели, часам суток.

Рост мобильности свыше 40 лет назад предсказала теория так называемого миграционного перехода (Zelinsky 1971). Этот рост усилили информационный и коммуникационный бум, глобализация, расширение виртуального и реального доступа к массе мест, кругозора и претензий странников разного типа. Противоречия мобильной и оседлой жизни, сжатия дистанций и самого пространства, его массового «потребления» формируют на За-

паде обширный дискурс (Meurowitz 1985; Thrift 1996; Cairncross 2001; Urry 2005; Florida 2008; Aybek et al. 2015). В России он появился недавно (Сжатие... 2010; Урри 2012; Потенциал... 2014), хотя весьма актуален.

Мобильность (миграции) можно классифицировать по ряду оснований:

- времени (безвозвратная на ПМЖ и возвратная, в том числе регулярная);
- территории (внутренняя и внешняя, межрайонная, межселенная);
- направлению (отточная и приточная, встречная, круговая, ступенчатая и т.д.);
- мотиву (экономическая, социальная, экологическая, рекреационная, культурная, политическая);
- регуляции (организованная или стихийная, индивидуальная).

Сосредоточим внимание на тех видах, которые требуют наличия второго жилья, т.е. формируют реальный сельско-городской континуум, где человек может жить и городской, и сельской жизнью. В первую очередь это сезонно-дачные и трудовые миграции.

Дачники: от подвижности к полуоседлости

Дачи, ставшие одним из социальных брендов России, изучены слабо. На Западе поток работ на эту тему превосходит российский и быстро растет (Трейвиш 2014; Second homes... 1977; Multiple Dwelling... 2006; Second Home Tourism... 2013).

Проблемы жизни в мегаполисах породили в России мощный центробежный поток горожан со своей особой ритмикой. Жилье в городе как личный капитал, слабость внегородской инфраструктуры, нехватка средств на оснащение дачи для круглогодичного проживания и давняя дачная традиция создали практику, отличную от западной. По устойчивости этой традиции и массовости второго жилья Россия – чемпион мира. Только садоводческих участков здесь 14 млн. Вместе со старыми собственно дачами, новыми виллами в пригородах, на российских и зарубежных курортах, наследными и покупными сельскими домами это как минимум 17–20 млн. Их имеют половина и более городских семей.

«Дачеведение» – стыковое межнаучное направление. Изучать дачи можно в контексте урбанизации и дезурбанизации, расслоения дачников по достатку, занятиям, вкусам. Жизнь на два, а то и на три дома становится нормой. Дачи вносят свой вклад в самообеспечение горожан овощами, фруктами, ягодами, в неформальную экономику. Советские и постсоветские горожане могли реализовать здесь многое, чего не позволяла регламентация городской жизни. Актуален анализ влияния дач на местную экономику, занятость, доходы и цены.

По размещению дачи можно делить на ближние (пригородные), среднеудаленные и дальние. Они различаются не только расстоянием от города, но и типом строений и участков, числом и составом дачников, их отношениями с местным населением (Нефедова 2012; 2013).

Дачи вблизи Москвы, Петербурга и других крупных городов отличаются пестротой застройки («от замков до сараев») и состава дачников. Они обычно отделены от окружения физически высокими заборами и психологически. К строительству и ремонту привлекаются иностранные рабочие или отходники из других регионов. Визуально выделяются дорогие особняки и коттеджные поселки, а по площади – садовые и стародачные товарищества. Они образуют малоэтажные псевдогорода, часто обширные, как сами города. Несмотря на близость к ним, дачи, как правило, посещаются летом и по выходным дням.

Дачная субурбанизация выплескивает из города не столько постоянное население, сколько его капитал. Обследование дачных и коттеджных поселков в 20 км от МКАД (с выборкой 240 участков) в выходные дни июля 2014 г. показало обитаемость деревянных дачных домов на уровне 70 %, а каменных особняков – 50 %. В Московской области дачи имеют 3 млн москвичей, что увеличивает наличное население Подмосковья в летний сезон примерно на 60 %, а сельское – в 2,5 раза (Махрова, Кириллов 2015; Нефедова 2013).

Среднеудаленные дачи (до 250–300 км) требуют часа три дороги и характерны для жителей мегаполисов. Сначала садовые участки выделялись населению областных и районных центров, немалую их часть перекупили столичные дачники. На этой дистанции по Волге, Оке стоят и коттеджные поселки. Но в целом чем дальше от Москвы, тем меньше доля садоводческих массивов и больше домов, купленных или унаследованных горожанами в деревне. Дачники летом в разы увеличивают население областей, особенно примыкающих к внешним границам Московской области. Однако местные власти мало что имеют от дачников, кроме проблем с мусором, дорогами и т.п., поскольку налоги с дачной недвижимости (не всегда регистрируемой) низки.

Дальние дачи обычно принадлежат москвичам или петербуржцам и расположены в 300–700 км от столиц. Интересуются ими и северяне. Дальних дач было и осталось много между столицами (Путешествие... 2014: 188–05), к северу и северо-востоку от Москвы. Эти нечерноземные районы, особенно по краям областей, отличаю глубокий кризис, сжатие обрабатываемых земель на фоне долгого сокращения сельского населения. Дома в деревнях, особенно живописных (у рек, озер), давно куплены москвичами.

ми. Дачники в таких местах – особый тип горожан скорее старшего и среднего возраста, среднего достатка и таких интеллектуальных занятий, которые позволяют им проводить на дачах немалое время (Потенциал Ближнего Севера... 2014: 140–167). Они ощущают себя своеобразной диаспорой, стараются общаться друг с другом, не отгораживаясь и от местных жителей, так как в разреженном социальном пространстве оба сообщества взаимозависимы.

Кроме мотива сезонного дауншифтинга – желания уйти на время от стрессов мегаполиса, тягу к «дальнедачной» жизни опосредуют поколенческие различия: проводить много времени вдали на природе чаще готовы люди преклонного возраста и их внуки. В 2014 г. на вопрос «Хотели бы Вы жить на даче постоянно?» до половины дачников в Угорском поселении Костромской области не дали ответа, треть ответили отрицательно. Барьерами обратной миграции, кроме расстояния, они называли низкое качество дорог, ненадежность связи (Интернета) и торговли, отсутствие школ и поликлиник. Обратные мигранты здесь – это единичные случаи с явными признаками дауншифтинга (Там же: 150–165).

Не считая убежденных переселенцев, движимых протестной или религиозной логикой, в этом смысле перспективны горожане, желающие улучшения качества жизни (Звягинцев, Неуважаева 2015), что они связывают с сельским укладом и хозяйством. Проблемы дезурбанизации связаны еще с тем, что горожанам трудно вписаться в местное сообщество. Их попытки начать собственное дело чаще опираются на дачно-городские связи и опыт. Городская молодежь, активно обсуждая тему в социальных сетях, пока не готова к переезду в сельскую глубинку.

Современное отходничество как вид горизонтальной мобильности

«Неоотходничество», по определению П.П. Великого (2010), со второй половины 1990-х годов при социально-экономической поляризации пространства России стало одним из немногих способов повышения уровня жизни в деревне и малом городе. Среди причин его массовости выделяются следующие.

1. Нехватка рабочих мест в небольших городах и сельской местности. В ходе поляризации пространственного развития проступала закономерность: чем меньше город, тем выше вероятность его социально-демографической депрессии, больше относительные потери населения (Нефедова, Трейвиш 2010; Нефедова 2013). В 2010–2013 гг. к депрессивным (с высокой долей убыточных градообразующих предприятий, незанятого трудоспособного населения) можно было отнести 2/3 малых городов и 1/5 средних. Поляри-

зация сельской местности и аграрной экономики также привела к расслоению районов на успешные южные и пригородные (с крупными агрохолдингами, фермерскими хозяйствами) и депрессивные (с заброшенными полями и фермами). В последнем случае упадок сельского хозяйства во многом связан с его неэффективностью, оттоком и постарением населения еще в советское время (Нефедова 2013).

2. *Различия в уровне зарплат в крупных городах, их пригородах и в глубинке.* Обследование территории между Москвой и Санкт-Петербургом [Путешествие... 2015] выявило 3–4-кратные градиенты средних по муниципальным районам заработков в пристоличных областях (без столиц) и в глубинке. Сильнее всего отстали зарплаты в сельском хозяйстве (составляя почти 100 % среднероссийских в 1980-е годы, они не дотягивали в 2013 г. до 50 %). Крупные центры нужны им не для того, чтобы тратить, как было в советское время, а чтобы зарабатывать, к чему и прибегает активная часть провинциального сообщества.

3. *Неготовность населения к малому бизнесу* как альтернативе крупным предприятиям в кризисных районах. Отчасти это связано с общими институциональными барьерами (налоги, бюрократия, отсутствие инфраструктуры сбыта). Что еще важнее, в местах длительной депопуляции отъезд активной молодежи и работников производил отрицательный социальный отбор, подорвавший всякую хозяйственную деятельность. Сокращается и личное подсобное хозяйство из-за старения населения и отсутствия былой помощи колхозов (Потенциал... 2014: 15–73). Вдобавок развитие малого бизнеса блокирует низкий платежеспособный спрос.

4. *«Ловушка свободного времени».* Помесячный, недельный ритм труда или режим «сутки на трое» формирует специфику личности отходника (Плюснин и др. 2013). В какой-то мере он фрилансер и, зарабатывая в городе, может дома вести личное хозяйство, подрабатывать по найму, но к ежедневному труду ему уже вернуться трудно. Даже имеющиеся вакантные места заполнены на 20–30 %, т.к. трудоспособное население предпочитает ездить в столицы и их агломерации.

В последние годы потоки трудовых мигрантов между регионами России, включая маятниковые, оцениваются на основе ежегодных обследований населения по проблемам занятости. В 2012–2013 гг. они составляли 2,3 млн чел. (Труд и занятость 2013)¹. А по оценке Ю.М. Плюснина, число отходников достигает 15–20 млн (Плюснин и др. 2013). Такой разноречивой свидетель-

---

¹ Ежеквартально в РФ опрашиваются 69 тыс. человек, что составляет 0,25 % населения в год (Обследование... 2013).

ствуем о том, что феномен не изучен. В обследованных нами сельских районах доля трудоспособных мужчин, регулярно работающих на отходе, колебалась от 5 до 30 % и зависела от транспортной доступности крупного центра, состава местного населения, набора предприятий и их состояния.

Отходники часто выпадают из социальных и политических событий, связей и правового поля как «дома», так и в местах отработок. Зато это проводники городских благ и ценностей из центров на периферию, трансляторы ее проблем и чаяний в центры, живые факторы консолидации межрегионального, эвентуально всероссийского масштаба.

Урбанизация и мобильность: вместо заключения

Урбанизация и город веками способствовали карьере, предоставляли лифты и одновременно возможности повышения уровня и качества жизни. Недаром часть российских отходников все-таки остается в мегаполисах, а дачников, даже желающих переехать в деревню, удерживают бедность и обезлюдение периферии, недалёковидная политика экономии на ее обустройстве.

Мечта людей о сочетании лучших сторон города и деревни старше научной апологии урбанизации. В разные времена у разных народов она находила свое частичное воплощение. К российским условиям подошел такой вид совмещения двух образов жизни, как временная дачная дезурбанизация, требующая пространственной мобильности и нередко дауншифтинга. Но с ним сопряжено и отходничество – как в профессиональном плане (ради заработка люди готовы на любой труд), так и в социальном (из-за выпадения из полноценной жизни города и села).

Два потока – центростремительный из сел, малых городов и центробежный из крупных – взаимосвязаны. Массовость сезонных дачных миграций и редкость переселений горожан в сельскую местность, их слабая приживаемость там (хотя они могут создавать рабочие места) стимулируют отход местных жителей. А он, удерживая семьи работников в деревне и продлевая ее жизнь, способствует закреплению ее дачного характера. Дачники не только сохраняют дома на периферии, но и формируют особые сообщества. По Ю.М. Плюснину (Плюснин Ю.М. и др. 2015), дачники и отходники, тоже выделяющиеся в местной среде достатком, внешним видом и даже поведением, «лучше понимают друг друга и легче вступают во взаимодействие, чем отходники и их соседи».

Массовые перемещения дачников и отходников и их жизнь на два дома, порой равнозначная по времени, затрудняют понимание того, сколько же людей реально живут и работают на селе, в малых и больших городах. Это

серьезное препятствие развитию и обустройству территории России, поскольку бюджетные средства выделяются с учетом только постоянного населения. Между тем разница в наличном населении Москвы в летний выходной и в зимний будний день достигает 5 млн чел. (Махрова, Нефедова, Трейвиш 2012). В то же время рост горизонтальной мобильности, как и вертикальной, есть одна из форм модернизации общества и образа жизни его членов. В этом качестве она тоже заслуживает пристального внимания.

Литература

Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.

Бёрджесс Э. Рост города: введение в исследовательский проект // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 2000. № 4. С. 122–136.

Бестон Г. Домик на краю земли. М.: Мысль, 1982.

Вебер М. История хозяйства. Город. М.: Канон-пресс, 2001.

Великий П.П. Неотходничество, или лишние люди современной деревни // СОЦИС. 2010. № 9. С. 44–49.

Задорин И., Мальцева Д., Хомякова А., Шубина Л. Альтернативные сельские поселения в России: стихийная внутренняя эмиграция или осознанный трансфер в будущее // Лабиринт. 2014. № 2. <http://www.intelros.ru/readroom/labirint/I2-2014/24563-alternativnye-selskie-poseleniya-v-rossii-stihiynaya-vnutrennyaya-emigraciya-ili-osoznannyy-transfer-v-budushee.html>

Звягинцев В.И., Неуважаева М.А. Переселенцы в сельскую местность: феномен «обратной миграции» в современной России // Мир России. 2015. № 1. С. 101–135.

Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4. С. 23–34.

Зубаревич Н.В. Рента столичного статуса // Pro et Contra. Москва как физическое и социальное пространство. 2012. № 6 (57). С. 6–19.

Махрова А.Г., Кириллов П.Л. Сезонная пульсация расселения в Московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 117–125.

Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Пространственные тенденции социально-экономического развития Московской агломерации // Территория и планирование. 2012. № (40). С. 18–34.

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура., АСТ Хранитель, М., 2006.

Нефедова Т.Г., Николаева У.Г., Покровский Н.Е. Интеллигенция в пространстве внегородской России // СОЦИС. 2016. № 12.

Нефедова Т.Г. Горожане и дачи // Отечественные записки. 2012. Т. 48 (3). Гордской организм. С. 204–216.

Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.: URSS, 2013, доп издание 2014.

Нефедова Т.Г. Отходничество в системе миграций в современной России.

Предпосылки. География. Демоскоп-Weekly, № 641–642 и 643–644, 4 – 17 мая и 18 мая – 31 мая 2015. <http://demoscope.ru/weekly/2015/0641/tema01.php> <http://demoscope.ru/weekly/2015/0643/tema01.php>. Обращение к ресурсу 6.06.2015.

Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 71–86.

Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования. 2010. № 2. С. 42–56.

Николаева У.Г. Экономическая архаика и современность. М.: Дашков и К^о, 2005.

Обследование населения по проблемам занятости. Федеральная Служба гос. статистики, 2013. http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_30/Main.htm. Обращение к ресурсу 12.02.2015.

Ойкумена Ближнего Севера России / Общ. ред. и сост. Н.Е. Покровского и Т.Г. Нефедовой. М.: Университетская книга, 2015.

Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 3–12.

Парк Р.Э. Избранные очерки. М: ИНИОН РАН, 2011.

Пацюрковский В.В. Социология расселения как специальная социологическая теория // Новые идеи в социологии: монография / Под. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.

Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. Отходники. М.: Новый хронограф, 2013.

Плюснин Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н. Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России. 2015. Т. 24. № 1. С. 35–71.

Покровский Н.Е. Ближний Север в контексте мировых трендов (вопросы теории) // Потенциал Ближнего Севера. Экономика, экология, сельские поселения / Под ред. Н.Е. Покровского, Т.Г. Нефедовой. М.: Логос, 2014. С. 451–486.

Покровский Н.Е., Николаева У.Г. Социологическое измерение современности. Глобализация или / и архаизация: реальные процессы и их теоретические конструкты // *Многоликая современность. Отв. ред. Р.Г. Браславский и А.В. Малинов.* СПб.: ИНТЕРСОЦИС, 2014. С. 193–221.

Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения / Под ред. Н.Е. Покровского, Т.Г. Нефедовой. М.: Логос, 2014.

Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. Кн. 1. Два столетия российской истории между Москвой и Санкт-Петербургом / Под ред. Т.Г. Нефедовой, А.И. Трейвиша, М.: URSS, 2015.

Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования / Под ред. С.С. Артоболевского, Л.М. Синцера. М.: Эслан, 2010.

Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Фонд «Университет», Владимир Даль, 2002.

Торо Г. Уолден, или Жизнь в лесу // Эмерсон Р. Эссе; Торо Г. Уолден, или Жизнь в лесу / Под ред. Н.Е. Покровского. Библиотека американской литературы. М., 1986.

Торо Г. Высшие законы / Общ. ред., предисл., сост. Н.Е. Покровского. М.: Республика, 2001.

Трейвиш А.И. «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // Известия РАН. Сер. География. 2014. № 4. С. 22–32.

Труд и занятость. Статистический справочник. М.: Федеральная служба гос. статистики, 2013.

Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

Харви Д. Городской опыт // <http://www.urban-club.ru/?p=105>. Дата обращения к ресурсу 13.05.2015.

Allan J., Mooney E. Migration into Rural Communities: Questioning the Language of Counterurbanisation // P. Boyle and K. Halfacree (eds.). Migration into Rural Areas, Theories and Issues. Chichester: John Wiley and Sons, 1998.

Aybek С.М., Huinink J., Muttarak R. (Eds.). Spatial Mobility, Migration, and Living Arrangements. Cham, Heidelberg etc.: Springer, 2015.

Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge: Polity Press, 2000.

Berry B. Urbanization and Counterurbanization in the United States // ANNALS, AAPSS. 1980. № 9. P. 14.

Berry B. The counterurbanization process: urban America since 1970 // Urban Affairs Annual Reviews. 1976. № 11. P. 17.

Boyle P., Halfacree K. Migration into Rural Areas: Theories and Issues. Chichester: John Wiley and Sons, 1998.

Buursink J. Economic Urbanization and Desuburbanization within the Dutch Settlement Continuum // J. Borchert, L. Bourne, R. Sinclair (eds.). Urban Systems in Transition., Netherlands Geographical Studies. No. 16. Utrecht: Department of Geography, University of Utrecht, 1986.

Cairncross F. The Death of Distance: How the Communications Revolution Will Change our Lives. Harvard Business Press, 2001.

Castells M. The city and grassroots. A cross-cultural theory of urban social movement. L.: Edward Arnold, 1983.

Champion A. Counterurbanization: The Changing Pace and Nature of Population Decentralization. L.: Edward Arnold, 1990.

Chipeniuk R. Planning for Amenity Migration in Canada – Current Capacities of Interior British Columbian Mountain Communities / Mountain Research and Development. 2004. Vol. 24. P. 327–335.

Crumph J. Finding a Place in the Country: Exurban and Suburban Development in Sonoma County, California // Environment and Behaviour. 2003, Vol. 35.

Etzioni A. Voluntary Simplicity: Characterization, select psychological implications, and societal consequences // *Journal of Economic Psychology*. 1998. No. 19. P. 619–643.

Fielding A.J. Counterurbanisation. In: *Population geography: progress and prospect* / Ed. by M. Pacione. L., 1986. P. 224–256.

Fielding A.J. Migration and counterurbanization in Western Europe since 1950 // *Geographical Journal*. 1989. No. 155.

Fielding A. Counterurbanisation and Social Class // P. Boyle, K. Halfacree (eds.). *Migration into Rural Areas, Theories and Issues*. Chichester: John Wiley and Sons, 1998.

Fielding A.J. (Tony Fielding). *Migration in Britain: Paradoxes of the Present Prospects for the Future*. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2012.

Findlay A. *Population Geography* // *Progress in Human Geography*, 1991. Vol. 15. P. 64–72.

Florida R. *Who's Your City?: How the Creative Economy Is Making Where You Live the Most Important Decision of Your Life*. Philadelphia: Basic Books, 2008.

Elgin D. *Voluntary simplicity: Toward a way of life that is outwardly simple, inwardly rich*. N.Y., 1981.

Geyer Y.S., Kontuly T. The Theoretical Foundation of the Concept of Differential Urbanization // *International Regional Science Review*. 1993. Vol. 15 (3).

Hall P. *The World Cities*. L.: World University Library, Weidenfeld & Nicolson. 1966.

King R. Black, Richard, Collyer, Michael, Fielding, Anthony and Skeldon, Ronald // *The Atlas of Human Migration: Global Patterns of People on the Move*. Earthscan, L., 2010.

Kontuly T., Wiard S., Vogelsang R. Counterurbanization in the Federal Republic of Germany // *The Professional Geographer*. 1986. № 38 (2), P. 174.

Meyrowitz J. *No Sense of Place*. N.Y.: Oxford University Press, 1985.

Multiple Dwelling and Tourism / N. McIntyre, D. Williams, K. McHugh (eds.). Oxfordshire, UK, Cambridge MA: CABI Publishing, 2006.

Mitchell C. Making sense of counterurbanization // *Journal of rural studies*. 2004. No. 5.

Mitchell C. Counterurbanization and the Growth of Canada's Rural and Small Town Municipalities: 1996–2001 // *Canadian Journal of Regional Science / Revue canadienne des sciences régionales*. 2008. Vol. XXI 1 (Spring/Printemps). P. 117–132.

Mitchell C. Population growth in rural and small town Ontario: metropolitan decentralization or deconcentration // *Canadian Journal of Regional Science*. 2009. Vol. 32 (2). P. 377–392.

Mitchell C., Bryant C. Counterurbanizing Settlement Systems: The Evidence of Counterurbanization // *The International Encyclopedia of Human Geography*. Elsevier Press, 2009.

Pokrovsky N., Guseva Y. Alternative to Urbanization: Life after the City // *Better Life Magazine*. 2012. April. <http://livebettermagazine.com/article/alternative-to-urbanization-life-after-the-city>.

- Redfield R.* Tepoztlan, a Mexican Village: A Study of a Folk Life. Chicago: University of Chicago Press, 1930.
- Richardson H.W.* Polarization reversal in developing countries // Papers of the Regional Science Association, 1980, 45: 67-85.
- Sant M.* Coastal Settlement Systems and Counter-Urbanization in NSW // Australian Planner. 1993. № 31. С. 108–113.
- Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton: Princeton University Press, 2001.
- Second homes: curse or blessing? / J.T. Coppock (ed.). Pergamon Press, 1977.
- Second Home Tourism in Europe: Lifestyle Issues and Policy Responses / Z. Roca (ed.). Farnham, UK; Burlington, USA: Ashgate Publishing, 2013.
- Thrift N.* Spatial Formations. L.: Sage, 1996.
- Toennies F.* Community and Society. N.Y.: Harper and Row, 1955.
- Van Dam F., Heins S., Elbersson B.* Lay Discourses of the Rural and Stated and Revealed Preferences for Rural Living. Some Evidence of the Existence of a Rural Idyll in the Netherlands // Journal of Rural Studies. 2002. Vol. 18. P. 461–476.
- Urry J.* Consuming Places. L.: Routledge, 2005.
- Zelinsky W.* The hypothesis of mobility transition // Geographical Review. 1971. Vol. 61. No. 2. P. 219–249.

1.3. Сельское население в регионе Ближнего Севера: демографически тенденции последних десятилетий^{1*}

Сценарий городско-сельских миграций и развития сельских сообществ в России во многом опосредован общей социально-демографической ситуацией в том или ином регионе, причем многие тенденции современных демографических процессов начали проявлять себя еще в советский период.

Основным предметом исследования стали социально-демографические процессы в сельских районах Ближнего Севера России. Стоит внести уточнение в то, что мы подразумеваем под Ближним Севером России. Известные отечественные географы В. Калуцков, Т. Нефедова относят к Ближнему Северу староосвоенные земледельческие территории Северного Нечерноземья,

---

¹ Раздел написан по результатам исследования в рамках проекта РФФИ №15-06-08421 «Природные и социальные факторы современных трансформационных процессов в сельских районах Ближнего Севера России: комплексный междисциплинарный анализ».

* © Денисенко М.Б., Николаева У.Г., Денисенко Г.М., 2016

ОБ АВТОРАХ

Денисенко Михаил Борисович – кандидат экономических наук, заместитель директора Института демографии Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики», заведующий кафедрой демографии Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики», с.н.с. Лаборатории изучения проблем народонаселения экономического факультета МГУ.

Денисенко Григорий Михайлович – магистр Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики», сотрудник Института образования Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики».

Ефременко Дмитрий Валерьевич – заместитель директора Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Кандидат философских наук, доктор политических наук.

Ильин Владимир Иванович – доктор социологических наук, профессор факультета социологии СПбГУ.

Миронова Анна Алексеевна – кандидат социологических наук, младший научный сотрудник Центра семейной политики и качества жизни Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики».

Нефедова Татьяна Григорьевна – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН.

Нишкин Егор Александрович – магистр программы «Социология публичной сферы и социальных коммуникаций» Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики».

Николаева Ульяна Геннадьевна – доктор экономических наук, с.н.с. кафедры народонаселения экономического факультета МГУ.

Николаюк Елена Андреевна – аспирант Института демографии Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики».

Покровский Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики», главный научный сотрудник Института социологии РАН, президент Сообщества профессиональных социологов, руководитель Угорского проекта.

Попов Дмитрий Сергеевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института образования Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики», доцент кафедры общей социологии Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики».

Сазонова Анна Михайловна – магистр социологии, выпускница магистерской программы «Социология публичной сферы и социальных коммуникаций» Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики».

Сушок Павел Евгеньевич – кандидат социологических наук, научный сотрудник Научно-образовательного центра Института социологии РАН.

Трейвиш Андрей Ильич – доктор географических наук, главный научный сотрудник Института географии РАН.

Чернышов Кирилл Сергеевич – магистр социологии, выпускник магистерской программы «Социология публичной сферы и социальных коммуникаций» Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики».

Яцкова Дарина Сергеевна – магистр программы «Социология публичной сферы и социальных коммуникаций» Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики».

Научное издание

Денисенко Михаил Борисович
Денисенко Григорий Михайлович
Ефременко Дмитрий Валерьевич
Ильин Владимир Иванович
Миронова Анна Алексеевна
Нефедова Татьяна Григорьевна
Никишин Егор Александрович
Николаева Ульяна Геннадьевна
Николаюк Елена Андреевна
Покровский Никита Евгеньевич
Попов Дмитрий Сергеевич
Сазонова Анна Михайловна
Сушко Павел Евгеньевич
Трейвиш Андрей Ильич
Чернышов Кирилл Сергеевич
Яцкова Дарина Сергеевна

ГОРОЖАНЕ В ДЕРЕВНЕ

**Социологические исследования в российской глубинке:
дезурбанизация и сельско-городские сообщества**

Коллективная монография

Редакторы *М.А. Ильина, Н.В. Герценштейн*

Корректор *Ю.Г. Хохлова*

Верстка и дизайн *Т.В. Клейменовой*

Подписано в печать 05.11.2016. Формат 60x90/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. 25,25 печ. л.
Тираж 500 экз.

Литературное агентство «Университетская книга»

Юридический адрес: 105120, Москва
Ул. Нижняя Сыромятническая, д. 5/7, стр. 8.
Почтовый адрес: 111024, г. Москва, ул. Авиамоторная,
д. 55, корп. 31 (495) 981-51-12, 221-50-16